

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-269-284>

УДК 390 (=941.112)

ББК 63.3 (2)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. В.В. Подмаскин
г. Владивосток, Россия

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ
РУССКИХ С КОРЕННЫМИ МАЛОЧИСЛЕННЫМИ
НАРОДАМИ СЕВЕРА (XVII–XX вв.):
МУЗЫКАЛЬНО-ХОРЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация: В статье рассматриваются историко-культурные связи русских с коренными малочисленными народами Севера. На основе актуализации, структуры и выявления элементов традиционных ценностей обозначены региональные черты через музыкально-хореографическое творчество. С утверждением цивилизационного подхода в объяснении исторической действительности это направление оказывается наиболее перспективным. Этническая история народа — процесс сложный и многоплановый. Каждый народ, как правило, живет в окружении других, с которыми вступает в самые разнообразные контакты, в том числе в социально-экономические, политические, культурно-бытовые и семейно-брачные. Происходит процесс этнического смешения, изменения антропологических типов и усложнение антропологического состава этноса, появляются заимствования в хозяйстве, духовной культуре и языке, возникают определенные изменения в общественном и семейном укладе и т. п. Все это наряду с другими причинами способствует развитию экономики и нивелировки духовной культуры, формирует менталитет этноса. Более высокий в стадийном отношении уровень русской культуры оказался доминирующим в системе этнокультурных коммуникаций. Доказано, что под влиянием русской культуры музыкально-хореографическое творчество коренных малочисленных народов региона значительно проявилось и обогатилось, стало известно многим странам и народам мира.

Ключевые слова: русские, коренные малочисленные народы Севера, межкультурное взаимодействие, заимствования, музыкально-хореографическое творчество, художественная самодеятельность и академические ансамбли песни и пляски, Дальний Восток России.

Информация об авторе: Владимир Викторович Подмаскин — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, ул. Пушкинская, д. 89, 690001 г. Владивосток, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-2669-9103>

E-mail: podmaskin@yandex.ru

Дата поступления: 08.02.2023

Дата одобрения рецензентами: 03.03.2024

Дата публикации: 25.06.2024

Для цитирования: Подмаскин В.В. Этнокультурные контакты русских с коренными малочисленными народами Севера (XVII–XX вв.): музыкально-хореографический аспект // Вестник славянских культур. 2024. Т. 72. С. 269–284.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-269-284>

История взаимосвязей коренных малочисленных народов Севера (КМНС) и русских на Дальнем Востоке России составляет около 380 лет. С XVII и особенно XIX–XX вв. в связи с массовым переселением русских из европейской части России на Восток происходит ассимиляция и аккультурация аборигенов, определяются этнические территории и границы в зоне контактов с оседлыми соседями, формируются этнографические группы палеоазиатов и тунгусо-маньчжуров. Активное участие русских в этнической истории КМНС проявилось в хозяйственных и духовных заимствованиях [7, с. 213–225]. Заимствования, как правило, бывают взаимными, хотя далеко не всегда равнозначными. Народ, находящийся на более низком уровне хозяйственного и культурного развития, обычно больше заимствует у своего экономически и культурно развитого соседа. Соответственно и влияние этого последнего на жизнь данного народа оказывается сильнее, чем его собственное встречное воздействие. Историк Д.Я. Резун констатировал:

В принципе на «фронтире» всегда происходит встреча двух различных культур — аборигенной и пришлой; последняя в силу своего более высокого уровня в конечном счете побеждает на разных уровнях первую, местную культуру [32, с. 7].

Очень много заимствований обнаружено исследователями в материальной культуре аборигенов, в том числе в типах жилищ, в мебелировке, одежде, пище и утвари. Заимствования отмечены в общественной, семейной и обрядовой сфере. Наличие длительных устойчивых контактов аборигенов и русских. Отсюда широкое распространение русских заимствований, благотворное влияние русской культуры на культуру аборигенов, создание условий для ее дальнейшего расцвета.

В первой половине XVIII в. большая часть аборигенов Северо-Востока была обращена в христианство. Это способствовало сближению их с русскими казаками и старожилами, облегчало браки между ними. Аборигенных заимствований в культуре русского населения существенно меньше и касаются они более специфических областей, связанных с жизнью на Севере. Несомненным является включение этнического компонента коренных малочисленных народов Дальнего Востока России в состав русского населения. Заимствования аборигенами проявились в именах и фамилиях, географических названиях, региональной лексике, фольклоре [11, 39, 40, 30].

В быт КМНС проникали песни и музыкальные инструменты той социальной среды и обстановки, в которой оказалось местное население. На Дальнем Востоке России преобладал музыкальный художественный фольклор и интонационная культура различных социальных групп: казаков, крестьян, староверов, мещан, солдат, отходников, купцов, прислуги, духовенства. Первопоселенцы несли в памяти народное творчество, бережно хранили его. Оно служило им своего рода отрадой, связывало с покинутой родиной. В начале XX в. В.Г. Богораз писал:

Среди монотонной полярной скуки, чуждой всякого духовного интереса, лишенной разнообразия и развлечения, русский человек хватается за пение, как за единственный способ нарушить хоть на минуту тишину окружающей его безбрежной тюрьмы и вызвать перед собой видение иной, полузабытой жизни [3, с. 205].

Первыми переселенцами на Чукотке были казаки, пришедшие с Семеном Дежневым. Они брали в жены девушек из местного населения и обучали их пению русских песен, привезенных с далекой родины. Женщины-аборигенки, которые переняли эти песни, зачастую плохо представляли себе то, о чем пели, так как многих предметов не было и не могло быть на Чукотке, о них певицы знали только понаслышке. Главную роль в них играли голубок, соловей, цветы [5, с. 238].

Необходимо отметить, что на Северо-Востоке отсутствовали многие земледельческие обряды и сопутствующий им фольклор. Из традиционных календарных обрядов было распространено только рождественское колядование; в семейной обрядности иногда сохранялся свадебный ритуал. Исполнялись хороводные, игровые, плясовые песни, а также протяжные лирические. Например, ительмены восприняли русскую напевность, задорный ритм исполнения. Приобщаясь к русскому вокально-танцевальному искусству, они сохранили известное своеобразие пластики, сопровождали танцы гортанным пением. Песни назывались «вечерочными». Верхом торжества на вечерках считалось переплясать, т. е. довести до изнеможения женщин, а по обычаю каждый мужчина должен был пригласить на танец по очереди всех женщин. Хороводные и плясовые песни назывались «верчачьими», соединяющие в себе черты аборигенной и русской фольклорной традиции, медленные лирические — «домашними» («Лучинушка», «Снежки белые», «У зари-то зореньки»). Последние чаще исполнялись в семейном кругу: пели либо муж с женой, либо несколько мужчин-друзей, либо женщины-соседки, а то и одна жена, занятая домашними делами [19, с. 123–125].

«Верчачьи песни» у жителей на р. Анадырь представляли танцевальную сюиту, в которой чередовались русские хороводные песни и танцы с аборигенными песнеплясками, сопровождавшимися горлохрипением на вдох и выдох [42, с. 80]. Аналогичные танцевальные «вечерки», основанные на чередовании русских народных песен с национальными образцами отмечены у ительменов [10, с. 126–128].

Служилые, торговые и промышленные люди, прожив почти 400 лет на Колыме и Анадыре, превращались в своеобразное оседлое население, в быту которого смешались русские и аборигенные традиции. Поэтому, вероятно, с песнями юкагиров, якутов и эвенов генетически связана музыка старорусских поселенцев на реках Индигирке (Русское устье), Колыме (Походск) и Анадыре (Марково). Общая их численность чуть более тысячи человек: по религии — двоеверцы, сочетающие православие с язычеством, по языку и этническому самосознанию — русские, непроизвольно впитывали в сознание элементы традиционной культуры своих соседей аборигенов.

Юкагирам и русским старожилам с давних времен известны напевы под общим названием *андыльщина* (любовная песня—диалог юноши и девушки). В.Г. Богораз записал подобную песню у русских старожилов Калымы:

Протяну я проголосную, ой да про житье се про свое,
 Да про свое!
 Не гонился я, Мишаночка, парень за твоею красотой,
 За красотой.
 Да гонился я, Иванович, за твоею за русою косой,
 Да за косой.
 Да обещался я, Михайловна, на законную тебя, девка,
 (В) зясти на жену,
 Да на жену [3, с. 281–282].

Некоторые *андыльщины* сохранились до наших дней [40, с. 179].

Ю.И. Шейкин считал, что «в музыкальной стилистике, фоноинструментарии и жанрах вокальной культуры аборигенов большое значение имела фольклорная традиция русских поселенцев» [42, с. 75, 78]. Сохранились старинные русские песни и хорорывы (игровые, протяжные, плясовые), восходящие к XVII–XVIII вв. В свое время они вошли в песенную традицию чуванцев, юкагиров, ламутов (эвенов) [25, с. 22]. Ительмены и сегодня их демонстрируют обычно как образцы национального творчества. Таковы песни «Чайки белы, ножки красны», «По ельничку, по березнечку», «Как на желтый песочек», «Шла девица за водой», «Капелюшка — кап, кап!», «Гуси лебеди наплавались» и др. [14, с. 172].

Важное значение в сценической пропаганде и современной переработке юкагирской музыки имели ансамбли песни и пляски в с. Андрюшкино — «Нэриивдэн» (руководители Н.Г. Курилова и М.Н. Тохтосова) и в пос. Нелемное. Сохраняются некоторые уникальные жанры русского фольклора у марковцев (Анадырь), походцев (Колыма) и устинцев (Индибирка) [42, с. 82, 78]. Артисты, выступая на сцене, не просто воспроизводили фольклорные произведения, а создавали на их основе оригинальные новые жанры: плавные хорорывы, лирические миниатюры, шуточные сценки. По мнению М.Я. Жорницкой, «от русских через эвенов или якутов тундровые юкагиры заимствовали обычай сватовства». Отмечено исполнение русских танцев, вальса, польки [43, с. 72, 134].

Можно отметить использование у аборигенов региона русских напевов в переработке и без нее. Составной частью песенного репертуара, воспринимаемого как своего собственного, вошли многие русские песни, переведенные на родной язык. Выявлено несколько вариантов такого включения у ительменов, юкагиров и нанайцев. Сохранились песни, которые ничем, кроме языка исполнения, не отличаются от своего русского оригинала. Есть песни, подвергшиеся определенной переработке или обработке, придавшей им национальное звучание, национальную трактовку. Такие песни обычно создавались на основе нескольких русских мелодий, естественно близких по содержанию. Особенно часто этот метод использовался в любовной лирике. Нередки также песни, считающиеся своими, но не только являющиеся русскими заимствованиями, но даже и исполняющиеся на русском языке [28, с. 98–150].

В советское время отмечено возникновение «новых песен» [20, с. 5–12; 37, с. 52–55]. На современной сцене появились разнообразные по тематике и жанрам песни — патриотические, пионерские, лирические, о родном крае, шуточно-сатирические. Тексты «новых песен» отражали современную жизнь оленевода, охотника и рыболова. Любопытно отметить, что многие тексты и мелодии, написанные профессиональными поэтами и музыкантами, утратив авторство, перешли в разряд «народных». На Амуре были популярны песни А. Самара, В. Заксора, Н. Менцера, а также советские «массовые песни», которые прочно вошли в репертуар художественной самодеятельных всех народов региона [35, с. 190–198]. Любопытно отметить, что среди орочей еще в 50-е гг. XX в. стала популярной грузинская песня «Сулико», которую исполняли на родном языке.

Несомненно, под русским влиянием у нивхов, орочей, нанайцев, эвенков, юкагиров, ительменов, ульчей появилась частушка (происходит от русского «частый», т. е. быстрый) как одна из новых форм сатирической песни [31, с. 329; 37, с. 53–55; 26, с. 122]. Этот жанр получил распространение в советский период с возникновением нового быта в 30-е гг. XX в. Это быстрая песня в четком ритме двудольного танца.

Мелодия у нее коротенькая — всего один небольшой куплет, который много раз повторяется с разными текстами. В частушках высмеивались неудачные охотники и рыбаки, неумелые хозяйки, неугодные поклонники. Например, в ульчской частушке «Аяпуйчии» («Поллюбить бы») юноша высмеивает девушек, чрезмерно увлекающихся модой [16, с. 109]. Частушки сочинялись и исполнялись отдельными солистами под аккомпанемент гармони, балалайки или бубна как на родном, так и на русском языках.

Появились «Новые песни» на родном языке, сохраняя черты нетрадиционных наигрышей, преимущественно русских плясовых (в том числе частушечных) наигрышей, инструментальных версий напевов поздних песен в стиле терцовой вторы на Камчатке, Чукотке, Нижнем Амуре и Сахалине [31, с. 325, 330–334].

Под влияние русской культуры музыка стала фиксироваться в нотной записи и реализоваться в процессе исполнения. Мелодии песен записывались нотами с текстом на национальном языке [28, с. 95–150]. Композиторы, опираясь на богатое наследие народного творчества, создали программную музыку на общеизвестные исторические, фольклорные и литературные сюжеты, а также внепрограммную музыку разных жанров. Музыка КМНС была тесно связана с эпической поэзией (эпические произведения исполнялись нараспев) и плясками. С XVIII в. у аборигенов формируется новая протяжная песня. Она отличается богатством мелодии, большим количеством музыкальных украшений, длительным внутрислоговым распевом, особой манерой исполнения — с запевом солиста и припевом многоголосного хора с подголосками. Большое распространение получили разнообразные жанры песен: исторические, многочисленные обрядовые (связанные с бытовыми и календарными праздниками).

В советский период в песнях пелось о переменах в социально-культурной сфере, связанной с образованием первых колхозов на Чукотке, в Приморье и Приамурье [26, с. 122]. Появились массовые песни с острыми социальными мотивами, отражающие борьбу нового со старым.

Современное развитие вокальной культуры КМНС также характеризуется и активизацией авторских мелодических тенденций, песни часто создавались участниками художественной самодеятельности. Например, современная музыка юкагиров представлена песенной традицией сельских мелодистов-песенников, исполняющих собственные мелодии на стихи юкагирских поэтов Тэки Одулок (Н.И. Спиридонова), Семена Курилова, Улуро Адо (Г.Н. Курилова). Это привело к закреплению устойчивого жанра, меньше стало песен-импровизаций. В стиле стихосложения песен о новой жизни на первый план выступал силлабо-тонический принцип, стихотворный текст, также, как и мелодия, теперь заранее обдумывались и «шлифовались», что придало высказыванию точность и лаконизм. На смену «белому» стиху пришел рифмованный [13, с. 288].

В современной песенной традиции обращает на себя внимание выраженная тенденция к темперации. Оформляются новые интонационные комплексы, запевы, ладовые закономерности. В основном их применяют в кульминационных и особенно, завершающих небольших музыкальных эпизодах (как правило, они заимствуются из русской традиции). Русские песни также оказывает большое влияние и на многоголосие. Чаще всего это двухголосие в терцию, октаву, с исходом кадансирования в унисон. Под влиянием русской музыки и современной песни все больше преобладают «выразительные возможности мажора и минора, утверждается семиступенная диатоника» [2, с. 28]. В настоящее время в музыкальном творчестве определилась тенденция к созданию устойчивой песни как самостоятельного жанра, синтезирующего в себе музыкальное и поэтическое начало [13, с. 285].

По мере роста музыкальной культуры КМНС постепенно обогащался инструментарий. Среди музыкальных инструментов широкое распространение получили русские — гармонь и балалайка. В.Г. Тан-Богораз, проживший с 1890 по 1898 г. на Колыме, оставил ценные свидетельства о музыкальной культуре обруселого колымского населения:

Эка гудуть! — сказал Макарьев, качая головой. — Мертвых разбудят». Пирование действительно шло на поляне <...>. Шуму было много. Тренькали балалайки, визжали самодельные скрипки со смычками из якутского конского белого волоса, даже ухал тяжелый шаманский бубен [38, с. 23].

В 1820 г. Ф.П. Врангель заметил, что юкагирская «пляска занимала большую часть вечеров и служила главной притягательной силой собирающихся. Плясали под самодельные балалайки и скрипки, которые делали следующим образом: корпус выдалбливали из лиственницы, а струны изготавливали из оленьих жил; щели заливали рыбьим жиром и оклеивали бумагой» [5, с. 240].

И если изготовление гармоник и баянов среди коренных народов распространения не получило, то струнные инструменты русских многие мастера пытались реконструировать [29, с. 110–112; 33, с. 78]. У юкагиров сохранились самодельные трехструнные люгневые инструменты с долбленным овальным и коробчатым треугольным корпусом (типа балалайки), со смычковым и щипковым способом извлечения звука, изготовленных по образцам древних струнных инструментов русских [42, с. 82].

В районном центре нанайской культуры с. Джари Нанайского района Хабаровского края хранятся два современных нанайских монохорда, изготовленные нанайским мастером Ю.А. Актанко в 2005 г. Они демонстрируют влияние русской культуры в дополнении частей структуры инструмента, а также в манере игры. Резонаторные коробки обоих инструментов затянуты с двух сторон косульей кожей. Струны от русской балалайки натянуты на колок в верхней части шейки. Смычок к инструментам отсутствует, используется балалаечный прием бряцания. Под влиянием русской культуры модифицировались также ульчские народные музыкальные инструменты [21, с. 117–118].

Вероятно, заимствованным от русских можно считать металлический варган; он получил распространение позже, чем изготовленные из дерева инструменты. Железный варган представлял собой подкову с вытянутыми концами, образующими узкую щель. В середине укреплен язычок с загнутым концом. Звук, издаваемый железным варганом, обозначался звукоподражательным термином *қоң-қоң*, отсюда произошло название инструмента. Например, у удэгейцев — *кунгкай*, у нивхов — *канга*. Ительменское наименование этого инструмента *вырыга* было заимствовано из русской лексики [33, с. 72]. Позднее появился у чукчей дуговой гетероглотический варган — аналогичный якутскому *хомусу* [42, с. 69]. До знакомства с русской культурой у народов Севера мало было железных предметов, поэтому в быту распространение получили деревянные варганы, которые затем были вытеснены под влиянием русских железными инструментами. Металлические струны, колки, медиаторы, железные подвески на одежде, поясе и бубне, бубенцы и колокольчики, которые практиковались в качестве шейного ботала на оленях, на хорее каюра, на посохе, на ручке кнута, на праздничном и шаманском бубнах, на детской и женской одежде, либо группировались в специальную «шумелку» и использовались при облавной охоте. Амурские эвенки в XX в. изготавливали бубны из жести.

В практических целях аборигены широко использовали различные типы манков, имитируя голоса птиц и зверей. Звукоподражания способствовали успеху в охоте.

В качестве манка на копытных применяли трубу из дерева или бересты без мундштука. Сложные приемы извлечения звука довольно специфичны. Удэгейцы и тазы под влиянием русских стали изготавливать съемные деревянные мундштуки *дамбонго* длиной 6,5 см с бронзовой пластинкой для облегченного извлечения звука [29, с. 114].

В XVII в. наиболее заметными элементами воздействия христианства на музыкальную культуру аборигенов явились колокола и распространение традиции хорового пения на клиросах, в котором принимали участие представители местного населения. Колокола и колокольни получили своеобразное отражение в легендах и рассказах об инструментах КМНС. «Ваховский бубен» и юкагирская *келеша*, по описанию, сопровождалась колокольчиками разных размеров. В некоторых случаях известны примеры использования колокола у амурских нивхов вместо музыкального бревна на «празднике медведя». Как верно отметил музыковед Ю.И. Шейкин: «Воздействие православного пения происходило исподволь на уровне не только предметов культуры, но и мировоззрения, эстетических оценок» [41, с. 372]. Колокольчики и бубенцы русского производства у аборигенов служили оберегами для детей. Медные колокола, отличающиеся от детских большими размерами, оленеводы подвешивали на шею животных, по звуку определяли местонахождение стада [9, с. 97–98].

Большое значение в музыкальном воспитании КМНС в свое время имели механические музыкальные инструменты русских (граммофон, патефон) [15, с. 326], позже — магнитофоны для записи песен, наигрышей и повествовательного фольклора. Материалы, записанные на магнитные ленты открытого типа (катушки) и компакт-кассеты сегодня переведены на более надежные для хранения цифровые форматы [8, с. 17–18].

Влияние русской традиции просматривалась в музыкально-хореографической культуре алеутов и ительменов. У алеутов большой популярностью пользовался *карагох* («хоровод»), у ительменов — «Камаринская», «Кадриль», «Подгорная» и др. [23, с. 20; 10, с. 126–130]. Национальное своеобразие сохранялось в пластике движений и манере исполнения. Заимствования коснулись скорее музыкального инструментария и аккомпанеента, как универсального ритмического регулятора танца и пения. Существенно обогатилась тематика танцев и жанровая структура [17, с. 138–139; 10, с. 149]. На Камчатке отмечены случаи заимствования русскими поселенцами аборигенных танцев.

В XIX–XX вв. особую роль в создании нового музыкально-инструментального исполнительства имели балалайки, мандолины, гитары, гармони и баяны. Их влияние наиболее заметно у алеутов, ительменов, чуванцев. Играли на балалайках, гармониях и баянах орочи, ульчи, удэгейцы, уйльта (ороки) Сахалина [15, с. 328]. Песни пелись под гармонию, баян, позднее гитару. Гармони и баяны по мере адаптации в культуре начали вытеснять традиционные инструменты. Именно под влиянием гармоник в XX в. происходит активное изменение традиционной мелодики: в ладовом аспекте формируется мажорно-минорная система.

В советский период в распространении русских песен и инструментальной музыки среди коренных народов определенную роль сыграла культурно-просветительная работа, решающая задачи приобщения коренных народов к основам музыкальной культуры. При участии лучших музыкантов проводились многочисленные популярные концерты и лекции о музыке [36, с. 70]. Повсеместно возникали фольклорные ансамбли, коллективы художественной самодеятельности, новые концертные организации, была создана система государственного музыкального образования. Большое место в концертных программах занимали русские народные и советские песни, танцы, произведения зарубежных композиторов.

В 1950–1990-е гг. у коренных народов ежегодно проводились новые праздники (День оленевода, День рыбака, Проводы зимы, Русская березка, Новый год, День Победы и др.). Отмечались они в производственных коллективах, в каждой семье, в домах культуры, на центральных площадях поселков. Большое место в них отводилось национальным танцам и песням, хотя по сути они приобрели интернациональный характер [34, с. 206; 24, с. 94–96; 18, с. 142; 6, с. 126–129].

Процесс проявления и становления самобытной музыкально-хореографической культуры аборигенов нашел свое полное и всестороннее отражение в мощном развитии самодеятельного творчества [1, с. 92–94; 27, с. 360–361; 18, с. 140–145; 22, с. 53–57; 15, с. 327–328]. Художественная самодеятельность начала активно развиваться с первых лет советской власти, стала массовым явлением и получила повсеместное распространение. Еще в конце XIX – начале XX в. песнетворчество аборигенов носило в значительной степени импровизационный характер, что ограничивало возможность коллективного исполнения песен, а также инструментальной музыки. Это на новом историческом этапе повлекло за собой пересмотр и переоценку традиционного репертуара. В 1966 г. сотни коряков, ительменов, эвенков и чукчей участвовали в 80 коллективах художественной самодеятельности [4, с. 84]. На Сахалине в 1983 г. функционировало шесть фольклорных ансамблей [15, с. 327].

К концу 60-х началу – 70-х годов XX в. процесс создания самодеятельных народных коллективов на Чукотке и Камчатке шел настолько активно и плодотворно, что стало возможным основать профессиональные музыкально-хореографические ансамбли «Эргырон» и «Мэнго» [27, с. 361; 18, с. 140]. Еще один ансамбль «Энэр» был создан в г. Магадане в 1980 г. хореографом Л.Б. Балдаевой. Коллектив осуществил постановку национального балета «Легенда Полярной звезды» по мотивам романа «Восемь племен» выдающегося исследователя истории и культуры народов Крайнего Северо-Востока Азии В.Г. Тана-Богораза. Это первый в мировой практике хореографического жанра балет, написанный на музыку и по мотивам преданий КМНС. Автором либретто стала Л.Б. Балдаева, музыку написал известный магаданский аранжировщик Стас Мкртчян [12, с. 139].

Этот период можно считать началом создания профессиональных ансамблей песни и пляски КМНС. И произошло это благодаря опыту русского народа на основе сценического воплощения традиционного фольклора аборигенов. Концерты представляли собой красочное зрелище, артисты выступали в праздничных национальных костюмах. В «золотой фонд» ансамблей вошли национальные песни, пляски и музыкальные инструменты (бубен и варган).

Ансамбли народов Севера, развивая международные связи в области культуры и искусства, часто гастролировали по Российской Федерации. «Мэнго» успешно выступил в Монголии, Франции, США, Болгарии, Польше и других зарубежных странах, принимал участие в международных конкурсах, где неоднократно отмечался наградами [10, с. 146].

Ансамблевое творчество аборигенов первоначально развивалось в тесном взаимодействии с русскими мастерами. В результате этнокультурных связей, появились свои профессиональные певцы, композиторы, хореографы: Ирма Яунзем, Кола Бельды, Николай Алотов, Прокопий Лонки, Пантелей Шмагин, Пантелеймон Старостин, Р.М. Жуков, В.В. Притчин, Х.Я. Нарва, Г.Г. Поротов, П.Г. Курилова, С.В. Кевевтегин, Г.Ю. Федотова и др.

Таким образом, межкультурное взаимодействие КМНС с русскими, ставшее со второй половины XIX в. весьма усиленной, существенно повлияло на развитие музы-

кально-танцевального творчества аборигенов. В сфере этнических взаимоотношений эта область стала импульсом этнического своеобразия как в жанровом, так и в сценическом воплощении. Изучение проблемы в исторической ретроспективе показало, что в тех случаях, когда культурно-этнические контакты создают новые формы жизни, новые хозяйственные занятия, новые формы социально-экономических отношений, старое не отмирает и не вытесняется новым полностью. Новым для исполнителей традиционных музыкально-хореографических интонаций на сцене явилась четкая фиксация народных мелодий и движений. Участники художественной самодеятельности, внедряя подлинный этнографический и фольклорный материал, подготовили основу для создания академических национальных ансамблей песни и пляски «Эргырон», «Мэнго», «Энэр».

Список литературы

Исследования

- 1 *Айзенштадт А.М.* Музыкальный фольклор народов Нижнего Приамурья // Музыкальный фольклор народов Севера и Сибири. М.: Музыка, 1966. С. 3–94.
- 2 *Айзенштадт А.М.* Музыкальный фольклор Советского Дальнего Востока // Музыка народов Азии и Африки. М.: Сов. композитор, 1973. С. 23–38.
- 3 *Богораз В.Г.* Областной словарь колымского русского наречения: сб. отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.: Изд-во АН СССР, 1901. Т. 68. № 4. 346 с.
- 4 Возрожденные народности. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1968. 96 с.
- 5 *Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по ледовитому морю, совершенное в 1820–1824 гг. экспедициею, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда Фонъ-Врангеля: в 2 ч. СПб.: Тип. А. Бородина и комп., 1841. Ч. 1. 358 с.
- 6 *Горбачева В.В.* Обряды и праздники коряков. СПб.: Наука, 2004. 152 с.
- 7 *Гурвич И.С.* Этнические процессы на Крайнем Северо-Востоке Сибири // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера / отв. ред. И.С. Гурвич, Б.О. Долгих. М.: Наука, 1970. С. 195–225.
- 8 *Де Грааф Тьерд.* Исторические данные и виртуальные выставки о языках и культурах народов Сибири // Из века в век... Мат. междунар. научн. конф., посвящ. 120-летию открытия первого музея на Сахалине (12–17 сентября 2016 г.). Южно-Сахалинск: Изд-во Сахалинского областного краеведческого музея, 2017. С. 16–21.
- 9 *Дьяконова В.Е.* Фоноинструменты в фондах оленекского историко-этнографического музея народов Севера // Музыкальная вселенная Юрия Шейкина (к 50-летию научной деятельности): сб. науч. ст. / сост. О.Э. Добжанская. Якутск: Алаас, 2017. С. 94–101.
- 10 *Жорницкая М.Я.* Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1983. 152 с.
- 11 *Зотов Г.В.* Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Соколянского. Магадан: Изд-во Северо-Восточного гос. ун-та, 2010. 539 с.
- 12 *Иванова Л.Ф.* Культура малочисленных народов Крайнего Северо-Востока: состояние, проблемы, перспективы // Традиционная культура народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: сб. мат. научн.-практич. конф. Владивосток:

- Изд-во Учебного центра подготовки и переподготовки кадров культуры, 2002. С. 137–140.
- 13 История и культура дальневосточных эвенков: историко-этнографические очерки / отв. ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 2010. 334 с.
- 14 История и культура ительменов: историко-этнографические очерки / отв. ред. Н.В. Кочешков. Л.: Наука, 1990. 207 с.
- 15 История и культура уйльта (ороков) Сахалина: историко-этнографические очерки (XIX–XXI вв.) / отв. ред. В.В. Подмаскин. Владивосток: Дальнаука, 2021. 376 с.
- 16 История и культура ульчей в XVII–XX вв.: историко-этнографические очерки / отв. ред. Л.Я. Иващенко. СПб.: Наука, 1994. 177 с.
- 17 *Карбанова С.Ф.* Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1979. 140 с.
- 18 *Королева В.А.* Проблемы развития национального творчества народов Камчатки на современном этапе // Культура Дальнего Востока XIX–XX вв.: сб. науч. тр. Владивосток: Дальнаука, 1992. С. 140–145.
- 19 *Ладутько И.В.* Музыкальный фольклор русского населения Чукотки (на материале пос. Марково Магаданской области) // Национальные традиции в культуре народов Дальнего Востока: сб. научн. тр. / отв. ред. Л.Е. Фетисова. Владивосток: Изд-во Дальневосточного отделения АН СССР, 1987. С. 123–128.
- 20 *Лыткин В.А.* Новая жизнь — новые песни. Магадан: Книжное изд-во, 1970. 160 с.
- 21 *Мезенцева С.В.* Монохорд в музыкальной культуре тунгусо-маньчжурских народностей Дальнего Востока России (о бытовании инструмента в прошлом и настоящем) // Записки Гродековского музея / отв. ред. Н.И. Рубан. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2005. Вып. 12. С. 115–122.
- 22 *Мишуров Г.С.* Самодеятельное музыкальное искусство народностей Приамурья // Культура народов Дальнего Востока: традиции и современность / отв. ред. Н.К. Старкова. Владивосток: Изд-во Дальневосточного научного центра АН СССР, 1984. С. 53–57.
- 23 *Нилов В.* Традиционная хореография народов северной Азии. М.; Владивосток: Союзрекламкультура, 2005. 28 с.
- 24 Новая жизнь народов Севера. М.: Наука, 1967. 118 с.
- 25 *Олсуфьев А.В.* Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения // Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. СПб.: Изд-во Приморского отдела Имп. русского географического общества, 1896. Т. 2. Вып. 1. С. 3–27.
- 26 *Отаина Г.А.* Нивхские народные песни // Этнография и фольклор народов Дальнего Востока СССР / отв. ред. Н.К. Старкова. Владивосток: Изд-во Дальневосточного научного центра АН СССР, 1981. С. 110–124.
- 27 Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Н.Н. Диков. Новосибирск: Наука, 1974. 455 с.
- 28 Песни народов Севера // Музыкальный фольклор народов Севера и Сибири / сост. Х.Я. Нарва, В.В. Португалов. М.: Музыка, 1966. С. 95–150.
- 29 *Подмаскин В.В.* Народные музыкальные инструменты тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов: проблемы типологии // Типология культуры коренных народов

- Дальнего Востока. Материалы к историко-этнографическому атласу / отв. ред. С.В. Березницкий. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 102–119.
- 30 *Подмаскин В.В.* Отражение славянских эпических традиций в фольклоре коренных малочисленных народов Дальнего Востока России (XVII–XX вв.) // *Россия и АТР*. 2013. № 4. С. 171–179.
- 31 *Путинцева А.П.* К вопросу о некоторых жанрах устного народного творчества нанай // *Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А.И. Герцена*. Л.: Изд-во Ленинградского гос. педагогического ин-та им. А.И. Герцена, 1960. Т. 167. С. 321–334.
- 32 *Резун Д.Я.* Люди на сибирском фронтире в XVII в. // *Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное*. Новосибирск: Наука, 2002. Вып. 2. С. 7–18.
- 33 *Романов В.Т., Шейкин Ю.И.* Музыкальные инструменты народностей Камчатки // *Культура народов Дальнего Востока: Традиции и современность*. Владивосток: Изд-во Дальневосточного научного центра АН СССР, 1984. С. 70–80.
- 34 *Росугбу Б.М.* Малые народности Приамурья в 1959–1965 гг. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1976. 220 с.
- 35 *Сем Л.И.* Устное народное творчество уссурийских нанайцев // *Материалы по истории Дальнего Востока / отв. ред. Ю.А. Сем*. Владивосток: Изд-во Дальневосточного научного центра АН СССР, 1974. С. 189–200.
- 36 *Синько В.Е.* Культурно-просветительная работа на Северо-Востоке России (1928–1937 гг.) // *Культура Дальнего Востока. XIX–XX вв.: сб. научн. тр. / отв. ред. Л.Е. Фетисова*. Владивосток: Дальнаука, 1992. С. 61–73.
- 37 *Соломонова Н.А.* Музыкальный фольклор народностей Нижнего Амура и Сахалина. Хабаровск: Изд-во Хабаровского пединститута, 1994. 142 с.
- 38 *Тан-Богораз В.Г.* Союз молодых. Хабаровск: Книжное издательство, 1963. 289 с.
- 39 *Тураев В.А.* Этнокультурные контакты и лингвистические процессы // *Россия и народы Дальнего Востока: исторический опыт межэтнического взаимодействия (XVII–XIX вв.) / отв. ред. В.А. Тураев*. Владивосток: Изд-во Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, 2017. С. 206–224.
- 40 *Чикачев А.* Андыльщина как пример взаимообогащения русско-юкагирского песенного творчества // *Фольклор палеоазиатских народов: мат. и сообщения междунар. конф.: 26–30 ноября 2003 г. / отв. ред. А.П. Решетникова*. Якутск: Изд-во Ин-та гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, 2005. С. 179–182.
- 41 *Шейкин Ю.И.* История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. М.: Восточная литература, 2002. 718 с.
- 42 *Шейкин Ю.И.* Музыкальная культура народов Северной Азии. Якутск: Изд-во Районного Дома народного творчества, 1996. 123 с.
- 43 Юкагиры (историко-этнографический очерк) / отв. ред. акад. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1975. 242 с.

***

© 2024. Vladimir V. Podmaskin
Vladivostok, Russia

**ETHNOCULTURAL CONTACTS OF RUSSIANS
WITH INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH (17th–20th Centuries):
MUSICAL AND CHOREOGRAPHICAL ASPECT**

Abstract: The study deals with the historical and cultural ties of Russians with indigenous peoples of the North. Basing on the actualization, structure and identification of elements of traditional values, the author highlights regional features appealing to musical and choreographic creativity. Due to adoption of the civilizational approach in explaining historical reality, this direction turns out to be the most promising. The ethnic history of a people is a complex and multifaceted process. Each nation, as a rule, lives surrounded by others, with whom it enters into a wide variety of contacts, including socio-economic, political, cultural, domestic and family and marriage. There is a process of ethnic mixing, changes in anthropological types and the complication of the anthropological composition of the ethnic group, with borrowings in the economy, spiritual culture and language and certain changes occurring in the social and family way of life, etc. All this, along with other reasons, contributes to the development of the economy and the leveling of spiritual culture, shaping mentality of the ethnic group. A higher level of Russian culture, in terms of stages development, turned out to be dominant in the system of ethno-cultural communications. The paper shows that under the influence of Russian culture, musical and choreographic creativity of the indigenous peoples of the region has enriched and proved itself significantly, and has become known to many countries and peoples of the world.

Keywords: Russians, Indigenous Peoples of the North, Intercultural Interaction, Borrowings, Musical and Choreographic Creativity, Amateur Performances and Academic Song and Dance Ensembles, the Russian Far East.

Information about the author: Vladimir V. Podmaskin — DSc in History, Professor, Chief Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Pushkinskaya St., 89, 690001 Vladivostok, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-2669-9103>

E-mail: podmaskin@yandex.ru

Received: February 08, 2023

Approved after reviewing: March 03, 2024

Date of publication: June 25, 2024

For citation: Podmaskin, V.V. “Ethnocultural Contacts of Russians with Indigenous Peoples of the North (17th–20th Centuries): Musical and Choreographical Aspect.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 72, 2024, pp. 269–284. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-269-284>

References

- 1 Ayzenshtadt, A.M. “Muzykal'nyi fol'klor narodov Nizhnego Priamur'ia” [“Musical Folklore of the Peoples of the Lower Amur Region”]. *Muzykal'nyi fol'klor narodov*

- Severa i Sibiri [Musical Folklore of the Peoples of the North and Siberia]*. Moscow, Muzyka Publ., 1966, pp. 3–94. (In Russ.)
- 2 Ayzenshtadt, A.M. “Muzykal'nyi fol'klor Sovetskogo Dal'nego Vostoka” [“Musical Folklore of the Soviet Far East”]. *Muzyka narodov Azii i Afriki [Music of the Peoples of Asia and Africa]*. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1973, pp. 23–38 (In Russ.)
- 3 Bogoraz, V.G. *Oblastnoi slovar' kolym'skogo russkogo narecheniia: sb. otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Akademii nauk [Regional Dictionary of Kolyma Russian Dialects: Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences]*, vol. 68, no. 4. St. Petersburg, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1901. 346 p. (In Russ.)
- 4 *Vozrozhdennye narodnosti [Revived Ethnic Groups]*. Vladivostok, Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1968. 96 p. (In Russ.)
- 5 Vrangel', F.P. *Puteshestvie po severnym beregam Sibiri i po ledovitomu moriu, sovershennoe v 1820–1824 gg. ekspeditsiei, sostoivshei pod nachal'stvom flota leitenanta Ferdinanda Fon'-Vrangelia: v 2 ch. [Journey along the Northern Shores of Siberia and the Arctic Sea, made in 1820–1824 Expedition, which was under the Command of the Fleet of Lieutenant Ferdinand Fon-Wrangel: in 2 parts]*, part. 1. St. Petersburg, Tipografia A. Borodina i kompanii Publ., 1841. 358 p. (In Russ.)
- 6 Gorbachova, V.V. *Obriady i prazdniki koriakov [Rites and Holidays of the Koryaks]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, 152 p. (In Russ.)
- 7 Gurvich, I.S. “Etnicheskie protsessy na Krainem Severo-Vostoke Sibiri” [“Ethnic Processes in the Far North-East of Siberia”]. *Preobrazovaniia v khoziaistve i kul'ture i etnicheskie protsessy u narodov Severa [Transformations in the Economy and Culture and Ethnic Processes among the Peoples of the North]*, ex. ed. I.S. Gurvich, B.O. Dolgikh. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 195–225. (In Russ.)
- 8 De Graaf, T'yerd “Istoricheskie dannye i virtual'nye vystavki o iazykakh i kul'turakh narodov Sibiri” [“Historical Data and Virtual Exhibitions about the Languages and Cultures of the Peoples of Siberia”]. *Iz veka v vek... Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 120-letiiu otkrytiia pervogo muzeia na Sakhaline (12–17 sentiabria 2016 g.). [From Century to Century: Proc. of the International Scientific Conf., dedicated to the 120th Anniversary of the Opening of the First Museum on Sakhalin (September 12–17, 2016)]*. Yuzhno-Sakhalinsk, The Sakhalin Regional Museum Publ., 2017, pp. 16–21. (In Russ.)
- 9 D'yakonova, V.Ye. “Fonoinstrumenty v fondakh oleneskogo istoriko-etnograficheskogo muzeia narodov Severa” [“Phono Instruments in the Holdings of the Olenyok Historical and Ethnographic Museum of the Peoples of the North”]. *Muzykal'naia vseleennaia Iurii Sheikina (k 50-letiiu nauchnoi deiatel'nosti): sbornik nauchnykh trudov [The Musical Universe of Yuri Sheikin (on the 50th Anniversary of Scientific Activity): Collection of Scientific Papers]*, comp. O.E. Dobzhanskaia. Yakutsk, Alaas Publ., 2017, pp. 94–101. (In Russ.)
- 10 Zhornitskaya, M.Ya. *Narodnoe khoreograficheskoe iskusstvo korennoho naseleniia Severo-Vostoka Sibir [Folk Choreographic Art of the Indigenous Population of the North East of Siberia]*. Moscow, Nauka Publ., 1983. 152 p. (In Russ.)
- 11 Zotov, G.V. *Slovar' regional'noi leksiki Krainego Severo-Vostoka Rossii [Dictionary of Regional Vocabulary of the Far North East of Russia]*, ed. A.A. Sokolianskii. Magadan, North-Eastern State University Publ., 2010, 539 p. (In Russ.)
- 12 Ivanova, L.F. “Kul'tura malochislennykh narodov Krainego Severo-Vostoka: sostoianie, problemy, perspektivy” [“Culture of the Indigenous Peoples of the Far Northeast:

- Condition, Problems, Prospects”]. *Traditsionnaia kul'tura narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Traditional Culture of the Peoples of the North, Siberia and the Russian Far East: Collection of Materials from Scientific and Practical Conferences]. Vladivostok, Publishing House of the Educational Center for Training and Retraining of Cultural Personnel, 2002, pp. 137–140. (In Russ.)
- 13 *Istoriia i kul'tura dal'nevostochnykh evenkov: istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and Culture of the Far Eastern Evenks: Historical and Ethnographic Essays], ex. ed. V.A. Turayev. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 334 p. (In Russ.)
- 14 *Istoriia i kul'tura itel'menov: istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and Culture of the Itelmens: Historical and Ethnographic Essays], ex. ed. N.V. Kocheshkov. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 207 p. (In Russ.)
- 15 *Istoriia i kul'tura uil'ta (orokov) Sakhalina: istoriko-etnograficheskie ocherki (XIX–XXI vv.)* [History and Culture of the Uilta (Oroks) of Sakhalin: Historical and Ethnographic Essays (19th – 21th Centuries)], ex. ed. V.V. Podmaskin. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2021. 376 p. (In Russ.)
- 16 *Istoriia i kul'tura ul'chei v XVII–XX vv.: istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and Culture of the Ulchi in the 17th – 20th Centuries: Historical and Ethnographic Essays], ex. ed. L.YA. Ivashchenko. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 177 p. (In Russ.)
- 17 Karabanova, S.F. *Tantsy malykh narodov iuga Dal'nego Vostoka SSSR kak istoriko-etnograficheskii istochnik* [Dances of Small Peoples of the South of the Far East of the USSR as a Historical and Ethnographic Source]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 140 p. (In Russ.)
- 18 Koroleva, V.A. “Problemy razvitiia natsional'nogo tvorchestva narodov Kamchatki na sovremennom etape” [“Issues of Development of National Creativity of the Peoples of Kamchatka at the Present Stage”]. *Kul'tura Dal'nego Vostoka XIX–XX vv.: sbornik nauchnykh trudov* [Culture of the Far East in the 19th – 20th Centuries: Collection of Scientific Papers]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 1992, pp. 140–145. (In Russ.)
- 19 Ladut'ko, I.V. “Muzykal'nyi fol'klor russkogo naseleniia Chukotki (na materiale poselka Markovo Magadanskoi oblasti)” [Musical Folklore of the Russian Population of Chukotka (Based on the Material of the Village of Markovo, Magadan Region)]. *Natsional'nye traditsii v kul'ture narodov Dal'nego Vostoka: sbornik nauchnykh trudov* [National Traditions in the Culture of the Peoples of the Far East: Collection of Scientific Papers], ex. ed. L.E. Fetisova. Vladivostok, Far Eastern Branch of the RAS Publ., 1987, pp. 123–128. (In Russ.)
- 20 Lytkin, V.A. *Novaia zhizn' — novye pesni* [New Life — New Songs]. Magadan, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1970. 160 p. (In Russ.)
- 21 Mezentseva, S.V. “Monokhord v muzykal'noi kul'ture tunguso-man'chzhurskikh narodnostei Dal'nego Vostoka Rossii (o bytovanii instrumenta v proshlom i nastoiashchem)” [“Monochord in the Musical Culture of the Tungus-Manchurian Peoples of the Russian Far East (on the Existence of the Instrument in the Past and Present)”], ex. ed. N.I. Ruban. *Zapiski Grodekovskogo muzeia* [Notes of the Grodekov's museum], vol. 12. Khabarovsk, The Khabarovsk Museum of Regional Studies Publ., 2005, pp. 115–122. (In Russ.)
- 22 Mishurov, G.S. “Samodeiatel'noe muzykal'noe iskusstvo narodnostei Priamur'ia” [“Amateur Musical art of the Peoples of the Amur Region”]. *Kul'tura narodov*

- Dal'nego Vostoka: traditsii i sovremennost'* [Culture of the Peoples of the Far East: Traditions and Modernity], ex. ed. N.K. Starkova. Vladivostok, Far Eastern Branch of the RAS Publ., 1984, pp. 53–57. (In Russ.)
- 23 Nilov, V. *Traditsionnaia khoreografiia narodov severnoi Azii* [Traditional Choreography of the Peoples of North Asia]. Moscow, Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2005. 28 p. (In Russ.)
- 24 *Novaia zhizn' narodov Severa* [New Life of the Peoples of the North]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 118 p. (In Russ.)
- 25 Olsuf'yev, A.V. “Obshchii ocherk Anadyrskoi okrugi, ee ekonomicheskogo sostoianii i byta naseleniia” [“General Outline of the Anadyr District, its Economic Condition and the Way of Life of the Population”]. *Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Priamurye department of the Imperial Russian geographical society], vol. 1, issue 1. St. Petersburg, Primorskii otdel Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva Publ., 1896, pp. 3–27. (In Russ.)
- 26 Otaina, G.A. “Nivkhskie narodnye pesni” [“Nivkh Folk Songs”]. *Etnografiia i fol'klor narodov Dal'nego Vostoka SSSR* [Ethnography and Folklore of the Peoples of the Far East of the USSR], ex. ed. N.K. Starkova. Vladivostok, Far Eastern Branch of the RAS Publ., 1981, pp. 110–124. (In Russ.)
- 27 *Ocherki istorii Chukotki s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [Chukotka from Ancient Times to the Present Day]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974. 455 p. (In Russ.)
- 28 “Pesni narodov Severa” [“Songs of the Peoples of the North”]. *Muzykal'nyi fol'klor narodov Severa i Sibiri* [Musical Folklore of the Peoples of the North and Siberia]. Moscow, Muzyka Publ., 1966, pp. 95–150. (In Russ.)
- 29 Podmaskin, V.V. “Narodnye muzykal'nye instrumenty tunguso-man'chzhurov i paleoaziatov: problemy tipologii” [“Folk Musical Instruments of the Tungus-Manchus and Paleoasians: Problems of Typology”]. *Tipologiiia kul'tury korennykh narodov Dal'nego Vostoka. Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu* [Typology of the Culture of the Indigenous Peoples of the Far East. Materials for the Historical and Ethnographic Atlas], ex. ed. S.V. Bereznitskii. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, pp. 102–119. (In Russ.)
- 30 Podmaskin, V.V. “Otrazhenie slavianskikh epicheskikh traditsii v fol'klоре korennykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka Rossii (XVII–XX vv.)” [“Reflection of Slavic Epic Traditions in the Folklore of the Indigenous Peoples of the Russian Far East (17th – 20th Centuries)”]. *Rossiia i ATR*, no. 4, 2013, pp. 171–179. (In Russ.)
- 31 Putintseva, A.P. “K voprosu o nekotorykh zhanrakh ustnogo narodnogo tvorchestva nanai” [“On Some Genres of Oral Folk art Nanai”]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gos. pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gertsena* [Scientific Notes of A.I. Herzen Leningrad State Pedagogical Institute], vol. 167. Leningrad, Leningradskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im. A.I. Gertsena Publ., 1960, pp. 321–334 (In Russ.)
- 32 Rezun, D.YA. “Liudi na sibirskom frontire v XVII v.” [“People on the Siberian Frontier in the 17th Century”]. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoi Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe* [Frontier in the History of Siberia and North America in the 17th – 20th Centuries: General and Specific], vol. 2. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002, pp. 7–18. (In Russ.)
- 33 Romanov, V.T., Sheykin, Y.I. “Muzykal'nye instrumenty narodnostei Kamchatki” [“Musical instruments of the peoples of Kamchatka”]. *Kul'tura narodov Dal'nego*

- Vostoka: Traditsii i sovremennost'* [Culture of the Peoples of the Far East: Traditions and the Present Day]. Vladivostok, Far Eastern Branch of the RAS Publ., 1984, pp. 70–80. (In Russ.)
- 34 Rosugbu, B.M. *Malye narodnosti Priamur'ia v 1959–1965 gg* [Small Nationalities of the Amur Region in 1959–1965]. Khabarovsk, Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1976. 220 p. (In Russ.)
- 35 Sem, L.I. “Ustnoe narodnoe tvorchestvo ussuriiskikh nanaitsev” [“Oral Folk Art of the Ussuri Nanais”]. *Materialy po istorii Dal'nego Vostoka* [Materials on the History of the Far East], ex. ed. Yu.A. Sem. Vladivostok, Far Eastern Branch of the RAS Publ., 1974, pp. 189–200. (In Russ.)
- 36 Sin'ko, V.Ye. “Kul'turno-prosvetitel'naia rabota na Severo-Vostoke Rossii (1928–1937 gg.)” [“Cultural and Educational Work in the North East of Russia (1928–1937)”]. *Kul'tura Dal'nego Vostoka. XIX–XX vv.: sbornik nauchnykh trudov* [Culture of the Far East. 19th – 20th Centuries: Collection of Scientific Papers], ex. ed. L.Ye. Fetisova Vladivostok, Dal'nauka Publ., 1992, pp. 61–73. (In Russ.)
- 37 Solomonova, N.A. *Muzykal'nyi fol'klor narodnostei Nizhnego Amura i Sakhalina* [Musical Folklore of the Peoples of the Lower Amur and Sakhalin]. Khabarovsk, Khabarovsk State Pedagogical University, 1994. 142 p. (In Russ.)
- 38 Tan-Bogoraz, V.G. *Soiuz molodykh* [Union of the Young]. Khabarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1963, 289 p. (In Russ.)
- 39 Turayev, V.A. “Etnokul'turnye kontakty i lingvisticheskie protsessy” [“Ethnocultural Contacts and Linguistic Processes”]. *Rossii i narody Dal'nego Vostoka: istoricheskii opyt mezhetnicheskogo vzaimodeistviia (XVII–XIX vv.)* [Russia and the Peoples of the Far East: Historical Experience of Interethnic Interaction (17th – 19th Centuries)], ex. ed. V.A. Turayev. Vladivostok, The Institute of History, Archaeology and Ethnography Far Eastern Branch of the RAS Publ., 2017, pp. 206–224. (In Russ.)
- 40 Chikachev, A. “Andyl'shchina kak primer vzaimoobogashcheniia russko-iukagirskogo pesennogo tvorchestva” [“Andyl Region as an Example of Mutual Enrichment of Russian-Yukagir Song Creativity”]. *Fol'klor paleoaziatskikh narodov: materialy i soobshcheniia mezhdunarodnoi konferentsii: 26–30 noiabria 2003 g.* [Folklore of Paleo-Asian Peoples: Proceedings and Communications of the international Conference: November 26–30, 2003], ex. ed. A.P. Reshetnikova. Yakutsk, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies North SB RAS Publ., 2005, pp. 179–182. (In Russ.)
- 41 Sheykin, Yu.I. *Istoriia muzykal'noi kul'tury narodov Sibiri: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [The History of the Musical Culture of the Peoples of Siberia: a Comparative Historical Study]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2002. 718 p. (In Russ.)
- 42 Sheykin, Yu.I. *Muzykal'naia kul'tura narodov Severnoi Azii* [Musical Culture of the Peoples of North Asia]. Yakutsk, Raionnyi Dom narodnogo tvorchestva Publ., 1996. 123 p. (In Russ.)
- 43 *Iukagiry (istoriko-etnograficheskii ocherk)* [Yukagirs (Historical and Ethnographic Essay)], ex. ed. Academic A.P. Okladnikov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975. 242 p. (In Russ.)